Для Гермионы Гарри был теплом.

Тепло крепких объятий в Большом зале. Теплота застенчивых признательных кивков и кривых улыбок. Теплота спокойной силы на вершине огромного летающего зверя и неуместной уверенности в ее уме. Теплота дружбы и храбрости и ... прочего.

Волшебная версия ночи, проведенной за чашкой горячего какао на удобном диване с пушистым одеялом.

Гермионе хотелось бы быть холодной, сильной и уверенной в себе, чтобы слиться с его теплом, но она этого не сделала. Она была книгами и сообразительна, и, прежде всего, она была энергична., с такой интенсивностью, которая подходит человеку их возраста. Это была причина, по которой она подвергалась остракизму так много лет до Хогвартса и в течение нескольких месяцев после этого - полная неспособность смягчить самые резкие черты своей личности. Ярость презираемой ведьмы пылала в ней не из-за личных опасений или отвергнутых чувств, а из-за несправедливости. Несправедливость мира, в котором к маглорожденному следует относиться как к гражданину второго сорта. Гермиона всегда боялась, что ее пылающая лава и уютное тепло Гарри никогда не объединятся, и она потеряет своего лучшего друга, но этого не произошло. Когда дела пошли плохо, его тепло превратилось в холодную, твердую, нерушимую силу воли, а ее неистовая сила превратилась в пылающую, горячую, жгучую решимость. Для нее никогда не было более комфортно, чем на вершине Клювокрыла.

Но Гарри больше не был просто теплом, не так ли? С того дня он пропадал на несколько часов и возвращался после комендантского часа. Столкнувшись с этим, не смущенный Гарри Поттер ответил бы на ее возмущенную ярость: « Как он посмел заставить меня так волноваться?» - но спокойный, холодный, расчетливый. Она должна была быть довольна. Тепло и холодно, должно работать! Теперь они всегда дополняли друг друга, и это чудесное чувство, которое она испытывала на вершине Клювокрыла, всегда будет с ними, и она никогда больше не будет одна.

Несчастная Гермиона тихонько ждала в гостиной Гриффиндора той ночью. Это не было даже злое, разъяренное, озабоченное ее лучшей подругой. Она была до смерти напугана. В ужасе, потому что Гарри избегал ее. Потому что он изменился. Что-то изменилось, и ей нужно было понять, что именно. Она не могла быть одна, никогда больше, она просто не могла. Не обошлось и без горячего какао, пушистых одеял и удобных диванов.

Она пыталась сдержать дрожь, но не могла. Она продолжала смотреть на свою руку, желая, чтобы она перестала дрожать , но она не слушалась ее. Она сфокусировалась так сильно, что ее зрение было расплывчатым, и она не плакала, она фокусировалась . Это не было насморком, она просто прочищала нос. Она была напряженной, а интенсивность не пугала приступов плача посреди ночи. Ей нужно было быть энергичным, потому что это было то, что нужно Гарри : книги, смекалка и неистовая, жгучая сила.

Вихрь сбивающих с толку и панических мыслей был внезапно прерван парой рук, мягко державших ее, и голос, который она хотела услышать, раздался над ней.

«Гермиона? Что случилось? Почему ты плачешь?» Это был не холодный Гарри из ночей, которые она проводила в ожидании его в гостиной, а теплая мягкость, которой ей так не хватало, и она не позволяла ему уйти. Она обняла его и крепко обняла, изо всех сил. Он больше никогда не оставит ее одну. Это будут она и ее горячее какао, пушистые одеяла и удобные диваны.

«Рон что-то сделал? Поговори со мной, Гермиона».

Она сумела издать короткий сдавленный смех среди своих мягких всхлипов и всхлипов, но отрицательно покачала головой. Рон в последнее время мало с ней разговаривал, не без такого отстраненного Гарри. Она со стыдом посмотрела вниз: « Интенсивность не плакала, возьми себя в руки, Грейнджер!» , но Гарри не отпускал ее. Она почувствовала, как рука быстро обхватила ее щеку и заставила взгляд подняться вверх, и один взгляд на тепло за обеспокоенными изумрудно-зелеными глазами и то же чудесное чувство, которое она испытывала, когда он ехал на Клюве, снова наполнило ее.

"Гермиона, что случилось?" - снова мягко спросил Гарри, но Гермиона не хотела ни говорить, ни двигаться, ни дышать, потому что, если бы она это сделала, это чувство снова исчезло бы, и она хотела чувствовать его навсегда. Так что она просто смотрела на него широко раскрытыми глазами и все еще тихо плакала.

Взгляд Гарри сузился на долю секунды, прежде чем смягчиться еще больше.

«Гермиона, тебе грустно, потому что я провожу с тобой мало времени?» - спросил он самым мягким голосом, который она когда-либо слышала.

Она не могла на это ответить. Она была напряженной , а интенсивность не была девушкой в беде, нуждающейся в спасении, Гермиона Грейнджер спасла вас, большое спасибо, и добро пожаловать, Сириус Блэк.

«Ничего подобного, Гарри. Ты закончил свое эссе по трансфигурации? Я только что закончил свое, я могу отредактировать твое, если ты дашь мне его». - предложила она, глядя повсюду, кроме него, дрожащими руками пытаясь открыть сумку, чтобы забрать пергамент и перо. Гарри схватил ее запястье и уставился на нее.

«Это была действительно плохая попытка сменить тему, Гермиона», - сказал Гарри, прищурившись, глубоко задумавшись. Снова она обнаружила, что смотрит вслепую, подавленная его глазами, прежде чем он нахмурился и продолжил. «Если только вы не меняли тему».

Гермиона почувствовала, как ее горло закрывается, и ее дыхание стало более частым. Она не могла слушать, как Гарри снова удаляется, это было бы слишком больно. Она зажмурилась и захотела оказаться где угодно, только не там.

«Гермиона, я тебе не друг из-за твоего ума». Это заставило ее в замешательстве открыть глаза. Книги и сообразительность - вот она, что она могла ему предложить, как не это? Он должен был нуждаться в ней, иначе он бросит ее, и она останется одна, а этого больше не может случиться. «Я твой друг, потому что ты замечательный человек. Ты добрый, преданный своему делу и надежный. То, что я решил приложить больше усилий и усерднее стараться здесь, в Хогвартсе, не означает, что ты перестанешь нуждаться в тебе рядом со мной. Я всегда буду хотеть ты рядом. Рон может рассмешить меня еще больше, но ты еще и мой лучший друг ".

"Вот почему ты исчезаешь ночью?" - робко спросила Гермиона. Гарри напрягся на секунду, но Гермиона все равно это заметила.

«Думаю, ты мог бы так сказать», - спокойно ответил Гарри, но не дал ей больше информации. Они оба знали, что он что-то скрывает, и Гермионе очень хотелось узнать, что происходит в жизни Гарри, но она молчала, потому что ничто иное, как страх, растущий в ее груди, что Гарри однажды устанет от нее и не смотреть в ее сторону снова. Она не хотела больше оставаться одна, и в тот момент этот страх перевесил все остальное.

Гермионе было интересно, будет ли в этот момент ее боггарт она, стоящая одна и нежеланная в жизни, а не страх неудачи, который всегда преследовал ее на протяжении всей ее жизни.

Эта мысль снова заставила ее обнять его и сжимать изо всех сил - а он стоил всего, что написано в книге Гермионы, прямо тогда. Она отпустила его и не смогла остановить застенчивую довольную улыбку, появившуюся на ее лице, когда тепло Гарри окутало ее, когда он улыбнулся ей.

"Теперь, могу я помочь тебе посвятить себя больше?" - робко спросила она, все еще довольная, что Гарри не хотел ее отпускать, но она не могла избежать ямы страха, заполняющей ее живот, когда он мягко покачал головой.

«Дело не в том, что я не хочу, чтобы ты помогала, Гермиона, но с тех пор, как произошла история с Сириусом, я хочу заниматься этим одна. Я не могу избавиться от ощущения, что если бы я был умнее в этом вопросе, он был бы освобожден к настоящему времени », - сказал он, самоуничижительно нахмурившись.

Лицо Гарри приобрело то отстраненное качество, которое все еще заставляло сердце Гермионы сжиматься от опасения, но осознание того, что он не собирается сбегать, заставляло ее бороться с болью страха и печали.

«Это не твоя вина, Гарри».

«Не в этом дело, Гермиона. Я мог бы заставить Фаджа слушать, я мог бы заставить Снейпа сотрудничать, но я был слишком прямым, слишком наивным. Я не могу допустить, чтобы это повторилось снова», - изумрудные глаза Гарри потемнели, а выражение его лица. стал смертельно серьезным, и он повернулся, чтобы снова взглянуть ей прямо в глаза, заставляя ее

немного проглотить его поведение. «Если я не изменюсь, они будут продолжать поступать так с людьми. Бросить Хагрида в Азкабан без суда, заставить убежать невиновного человека, позволить Малфою управлять правительством. Что, если они обратятся к тебе в следующий раз? Кто это сделает? Останови их?"

«Конечно, мы можем попросить Дамблдора о помощи, Гарри, он может защитить нас». И снова Гарри мягко покачал головой, прежде чем взглянуть на нее.

«Гермиона, Дамблдор обладает огромной силой. Подумайте об этом, он был директором в течение каких, пятидесяти лет? Это целые поколения самых могущественных ведьм и волшебников страны, которые были поставлены под его опеку, не говоря уже о сила, которой он обладает как главный чернокнижник, и он не противостоял Фаджу, когда арестовывал Хагрида, и вы знаете, насколько Хагрид предан Дамблдору. А насчет нашей безопасности, Гермиона, в прошлом году вы были окаменели василиском , годом ранее что вас чуть не растерзал тролль, не говоря уже о том году, когда нас чуть не поцеловали дементоры. Мы можем доверять только себе.

Гарри внезапно вскочил от удивления и выглядел отстраненным, прежде чем нахмуриться и мягко улыбнуться. «Ха, ты только что помог мне понять кое-что, что раньше меня сбивало с толку», - он быстро прочистил голову и улыбнулся ей. «Но в любом случае то, что мне нужно кое-что делать одному, не означает, что мы не можем проводить больше времени вместе. Как насчет того, чтобы завтра немного поучиться вместе в библиотеке?»

Гермиона все еще была сбита с толку из-за внезапного скептицизма Гарри по отношению к Дамблдору и боролась с болью печали, которую она чувствовала из-за того, что ее исключили из любого упражнения, которому Гарри позволял себе заниматься, чтобы улучшить себя, но эти чувства быстро потонули в тепле, наполнявшем ее при виде однобокой улыбки Гарри. . Она лучезарно улыбнулась ему и счастливо кивнула, заставив его посмеяться над ее нетерпением, но Гермионе было все равно. У нее было горячее какао, пушистые одеяла и удобные диваны.

«Уже поздно. Увидимся завтра. Спокойной ночи, Гермиона».

«Спокойной ночи, Гарри».

Следующие дни прошли более или менее без событий. Гермиона, казалось, обрадовалась вновь обретенной страсти Гарри к учебе, даже если она была несколько разбавлена его частыми исчезновениями по ночам, но она всегда ждала его в гостиной, даже засыпая на кушетке один или два раза, ожидая его. Безуспешно, он всегда нежно будил ее и продолжал разговор с ведьмой. Он подозревал, что по крайней мере пару раз она притворялась засыпающей, чтобы он нежно разбудил ее легкой улыбкой, которая на мгновение появилась в уголках ее рта, прежде чем исчезнуть, но он не стал комментировать. Он действительно думал, что это было странно, но она казалась счастливой, и счастливая Гермиона не стала спрашивать, где он был, когда он вернулся после разговора с Салазаром.

Он еще не читал книги с какой-либо степенью преданности. Когда он ложился спать, его

обычно утомляли послеобеденные лекции и занятия с Гермионой, за которыми следовал вечер бесед и опеки Салазара в Зале. Толстая Леди почти не комментировала его постоянное выставление напоказ правил в этот момент и просто вздыхала всякий раз, когда из ниоткуда выскакивала бестелесная голова и произносила пароль, чтобы открыть дверь в гостиную. Он боялся, что, когда Гермиона увидит, как Гермиона читает магловские книги, может возникнуть ряд нежелательных вопросов, и он не мог рискнуть, что она отреагирует на то, что Салазар Слизерин, предполагаемый ненавистник всего маггловского, был его наставником, а Гермиона была столь же горячо настроена. отсталость волшебников, какой она могла быть.

Что еще хуже, она, без сомнения, усомнится в нем, что Салазар посвятил всю эту маггловскую литературу, и предположит, что Гарри скрывал от нее что-то гнусное, и это сведет на нет все успехи, достигнутые за последние несколько дней после их слезливого разговора в Гриффиндорской башне.

«Разве ты не можешь заколдовать книги, чтобы обложка выглядела иначе?» Однажды вечером Гарри спросил Салазара.

"Я могу, но зачем мне это делать?"

«Разве генеральные планы не должны быть скрыты, вы знаете, чтобы возникать в подходящий момент?»

«Пожалуйста, - насмешливо усмехнулся Слизерин, даже не отрываясь от книги, - у вас нет плана, который нужно скрывать, не говоря уже о генеральном плане. У вас едва ли есть намеки на амбиции».

«Я думал, мы сошлись во мнении, что моей амбицией была свобода».

«Нет, - тяжело вздохнул Салазар, приказывая Гадюке закрыть книгу и в отчаянии зажать нос между пальцами», - мы согласились, что ваше желание - свобода. Амбиции не так безграничны, как «Я хочу быть свободным». Вам нужна объективная, осязаемая и достижимая цель, а не неопределенность подростка ".

"Итак, каковы мои амбиции?" - потребовал ответа Гарри.

«Откуда мне знать? Разбирайся с этим, Дитя. Если ты думаешь, что не можешь доверять тому, от кого хочешь скрыть свои амбиции, тогда, возможно, тебе не стоит на них рассчитывать».

«Я не брошу Гермиону», - сердито прошипел Гарри, почти переходя на парселтанг. В последнее время это происходило все чаще.

Слизерин удивленно посмотрел на него, прежде чем рассмеяться над возмущенным и покрасневшим лицом Гарри.

«Конечно, тогда не бросай ее», - он слегка пожал плечами и снова переключил внимание на книгу, лежащую перед ним, - «найди способ уговорить ее помочь тебе».

«Честно говоря, я не знаю, как она отнесется к тебе», - слабо признал Гарри.

"Ах, так она одна из тех гриффиндорцев?" Слизерин усмехнулся, возвращая внимание к своим книгам.

«Она не думает, что все слизеринцы злые, но она не думает о тебе во всем мире».

«Дай угадаю, она поклоняется земле, по которой ходит Альбус». Протяжная речь Салазара заставила Гарри немного поежиться, даже если он даже не взглянул на портрет. Он чувствовал насмешку, но не мог заставить себя защитить друга. По правде говоря, тема Альбуса Дамблдора вызывает большие споры как между Гермионой и Гарри, так и между Гарри и Салазаром. В то время как Салазар открыто высмеивал этого человека и высмеивал как его пребывание на посту главного чернокнижника, так и, в частности, его работу на посту директора, называя его «безголовым человеком, носящим слишком много шляп».Гермиона все еще ужасалась скромному недоверию Гарри к человеку с добрыми намерениями и плохим исполнением. Дискуссия между Гермионой и Салазаром о Дамблдоре, которая должна была произойти примерно через десять минут после их первого знакомства, хотя бы по той или иной причине, как склонность Слизерина заставлять своего подопечного чувствовать себя крайне неудобно, было бы ... плохо. Лучше сменить тему.

«Ну, честно говоря, ваше первое взаимодействие с ней было через вашего василиска».

Салазар нахмурился, и Гарри начал гордиться собой за то, что изменил направление разговора. Слизерин любил рыскать вокруг своего василиска.

«Это был удивительно хороший переход, Чайлд».

«Ну, черт».

«Я почти горжусь».

«Ну и ты пошел на хуй».

«Обычно ты очень увлечен Салли».

« Мой знакомый в п ВЗ по имени Салли! », Салазар сердито прошипел Гарри, который хихикнул. Слизерин настолько хорош в отражении, насколько мог быть, его характер было довольно легко использовать, когда дело касалось василиска.

«Что? Ты тот, кто постоянно придирался ко мне из-за того, что змея такая она. Не могу называть ее Сэл, если она змея-леди, не так ли? »

«Будь осторожен, Дитя. Ты не слишком стар для меня, чтобы сгибать тебя у себя в коленях». Салазар прищурился, пристально глядя на Гарри, заставляя его продолжать издеваться над ним.

«Ты портрет», - невозмутимо сказал Гарри. «У тебя нет колен».

После паузы тишины Салазар резко прошипел. « Держи Гарри Поттера неподвижно и согни его ».

«Вау, держись!» - крикнул Гарри, когда несколько змей обвились вокруг него, и одна, особенно большая, обвилась вокруг одной из ножек гранитного стола, а затем обернулась вокруг его шеи и заставила Гарри наклониться. «Успокойся, успокойся! прости. "

С громким хихиканьем Слизерин устранил змей и злобно пристально посмотрел на Гарри.

«Я уже твой проклятый совинный пост, тебе не нужно меня тоже шлепать», - раздраженно проворчал Гарри, бросая книги, которые он принес Салазару из сумки, на стол.

«Что ж, если бы мир был достаточно цивилизованным, чтобы иметь возможность доставки змей, мне бы не понадобилась сова, но это не так, поэтому я нуждаюсь».

«Да, да, что угодно. Не то чтобы ты платил за эти чертовы книги».

«Мои инструкции не бесплатны. И нужно ли мне напоминать, что вы покупаете книги, используя хранилище, заполненное золотом от продажи частей моего василиска, по моей рекомендации?»

«Я не виноват, что Салли пользуется большим спросом», - пошутил Гарри, наслаждаясь выражением ярости на лице Салазара, прежде чем рассмеяться. «Хорошо, хорошо, успокойся. Это просто шутка. Я оценил эту идею, особенно с учетом того, что это был твой фамильяр».

«Что ж, она нам мертвым бесполезна, - печально сказал Салазар. Гарри сначала чувствовал себя неловко всякий раз, когда упоминался василиск, но Слизерин заверил его, что он сошел с ума задолго до того, как Риддл манипулировал им в своих интересах, и что смерть была милостью для безудержного зверя, учитывая то, что она сделала. «Как бы то ни было, о твоем друге», - сказал Салазар, заставив Гарри саркастично сдаться из-за того, что он не сменил тему.

"А что насчет Гермионы?" - мрачно спросил Гарри.

«Ты должен подумать, где она впишется в будущее», - твердо сказал Салазар, тяжело глядя на Гарри. «Мой опыт общения с друзьями весьма печально известен, Дитя. Я подозреваю, что мне не нужно рассказывать тебе о моем разлуке с другими Основателями?»

Гарри в подтверждение покачал головой, и Салазар промычал. «Что ж, опасайтесь чего-то подобного.

«Я не могу представить, чтобы Гермиона никогда не была рядом со мной», - задумчиво сказал Гарри.

"Даже если ты изменишься?" - спросил Салазар, заставляя Гарри повернуться к нему. «Потому что ты будешь это делать, если будешь преследовать свою цель. Некоторые изменения ей не понравятся, если она так сильно доверяет Дамблдору. Разве дружба - все, что она от тебя хочет?»

"Что ты имеешь в виду?" - смущенно спросил Гарри. Салазар удивленно приподнял бровь, но терпеливо объяснил.

«Некоторые друзья ожидают, что их друзья будут думать так же, как они», - сказал он. «Другие друзья ожидают, что их друзья не будут с ними возражать. Некоторые друзья хотят быть чем-то большим, чем дружба».

«Ух», - тупо сказал Гарри. «Я действительно не думаю о Гермионе так».

«Возможно, не сейчас», - промурлыкал Салазар. «Возможно, никогда. Но эти вопросы более актуальны, чем ты думаешь, Дитя. В конце концов, есть причина, по которой ты не рассказал этой девушке о своих планах, не так ли?» Гарри поежился под пристальным взглядом Основателя, но в любом случае слегка кивнул. «Хорошо. Поразмыслите над этим, если сможете. Дружба - вещь ценная, но стоит ли из-за нее терять себя?»

"Вы сожалеете о своем выборе?" - выпалил Гарри, заставив Салазара взглянуть на него с кратким раздражением и удивлением, прежде чем воцарилось такое же безразличное спокойствие, как всегда.

«Конечно, знаю», - мягко сказал портрет. «Я нашел этих великих людей, и у меня нет фальшивой скромности, чтобы не признать, что я такой, всегда полон сожалений, и я ничем не исключен. Многие из этих сожалений относятся к другим Основателям. Но есть Нет смысла размышлять о прошлом. В конце концов, я мертв, - просто закончил мужчина. Однако он лгал, и Гарри не мог узнать об этом в данный момент. Салазар постоянно думал о том, как изменить прошлое - не буквально, поскольку он хорошо осознавал ограничения, которые есть даже у чего-то столь дикого, как магия, но для мира в целом. Прошлое - это нескончаемый незаконченный портрет, и Салазар намеревался раскрасить его совсем иначе, чем то, что было в данный момент.

И Гарри будет его кистью.

«Клянусь, уроки сейчас такие скучные», - пожаловался Гарри, кладя голову на стол. «Как ты можешь так далеко опередить теорию и не скучать до полусмерти?»

«Знаешь, всегда есть больше теории для чтения», - сказала Гермиона, не отрываясь от учебника по заклинаниям для четвертого года, который читала. «И это не значит, что ты не впереди всех в практической магии».

«Если бы это было ваше дело, вы бы уже читали о магии после ТРИТОНА», - Гарри тихо хмыкнул, увидев раздраженное выражение лица, которое Гермиона послала ему.

«Ну, технически говоря, чары Патронуса не преподают в Хогвартсе, во всяком случае в настоящее время. Так что вы знаете больше теории чар после NEWTS, чем я».

«Из-за большого запаса одного заклинания», - проворчал Гарри.

«Единица больше нуля», - пожала плечами Гермиона, разочаровавшись в том, что Гарри знает, как вызвать Патронуса. После достаточно долгого общения с ним нормализация исключительного стала частью ее распорядка. Хотя часть ее все еще раздражало, что она не может сделать что-то подобное. - подумала она, обращаясь к более продвинутому учебнику на столе.

Он фыркнул, но ничего не сказал, кладя цепь на корешок какой-то книги, пытаясь уравновесить ее по вертикали.

«Если тебе так скучно, почему бы тебе не попробовать Арифмантию? Это мой любимый предмет, и это очень интересно», - сказала она дружелюбно, но с малейшим намеком на надежду.

Пару месяцев назад Гермиона ожидала от Гарри едва скрытого презрения, но теперь краем глаза она заметила его задумчивое выражение и едва сдержала ликование. Рон отказался сопровождать их обоих на экскурсии в библиотеку, потому что даже он не мог игнорировать горячий взгляд Гермионы всякий раз, когда он бормотал о душевнобольных людях и их отсутствии признательности за такие прекрасные вещи в жизни, как шахматы и квиддич, без молчаливой поддержки Гарри. . Их рыжий друг все еще тусовался с ними, когда они были в гостиной, и сидел рядом с ними на уроках, но это было все. Шеймус и Дин теперь проводили с ним большую часть времени в гостиной, а Невилл переключался между обеими группами.

«Я думал о чтении по Арифмантике, чтобы попробовать поэкспериментировать с новыми заклинаниями».

Это было неожиданно. Гермиона нахмурилась. «Откуда вы знаете это об арифмантии? Я бы

знал, что вы не читали теорию».

Гарри робко усмехнулся и пожал плечами, взял вводный учебник по этому предмету и открыл первую страницу.

Гермиона прищурилась и посмотрела на Гарри. Он держал в секрете только то, что она пыталась затронуть тему того, что он делал по вечерам. " Так что это будет связанно. Но он не мог изучать только арифмантию в одиночку, он не стал бы этого скрывать. Что он делает то?' Она попыталась изучить заклинание разочарования, чтобы следовать за ним, но не только потерпела неудачу, но и быстро вспомнила, что у Гарри был плащ-невидимка. Но Гермиона Грейнджер была очень настойчивой. Ей просто нужно изменить свою тактику.

«Что еще такого странного происходило с Гарри в последнее время?» Гермиона задумалась, прежде чем увидела, как Хедвиг летит мимо одного из окон с пакетом в когтях. «В последнее время Хедвиг таскает много таких свертков. И я думаю, что видел маггловскую литературу в одной из тех упаковок, которые он открыл в Большом зале ».

Глаза Гермионы распахнулись, прежде чем она слишком заметно расслабилась , заставив Гарри взглянуть на нее.

«Знаешь, в библиотеке Хогвартса действительно должно быть больше маггловских книг», - сказала Гермиона, с тяжелым стуком хлопнув вниз по учебнику по чарам, который она читала. «Магия довольно интересна, но я скучаю по прочтению хорошего романа».

'Что ж. «Разве это не случайность?», - подумал Гарри, скрывая ухмылку.

«О, недавно я узнал о том, как совы доставляют книги из маггловской библиотеки. В Абердине есть сквиб, который собирает маггловские книги для волшебников здесь, в Хогвартсе».

"Как вы узнали об этом?" - подозрительно спросила Гермиона.

«Я попросил портрет». Что ж, в конце концов, технически это было правдой.

«Ха. Как быстро он сможет доставить? Я знаю, что до конца семестра всего пара недель, но я бы с удовольствием прочитал что-нибудь вроде Джейн Остин».

«О Мерлин, это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Это должен быть знак, - головокружительно подумал Гарри, счастлив, что это отвлечет Гермиону от того, что он делал с Салазаром в последнее время.

«Это зависит от книги, но я полагаю, что такой популярный человек, как Джейн Остин, поспешит. Какую книгу вы бы хотели?» - с улыбкой спросил Гарри.

«Я не знал, что она тебе нравится! О, читать ее книги сейчас было бы так весело. Тебе стоит взять у нее книгу! Мы можем вместе читать у Черного озера, теперь, когда теплее. Я позволю тебе выбрать какую бы книгу вы ни предпочли ".

«Отлично! Я сейчас сову его, а книги должны быть у нас завтра». Гарри встал со своего места в Библиотеке и зашагал в Зал, не веря своей удаче.

«Что ж, может быть, теперь он объяснит, почему тогда Хедвиг придумала« Разум и чувствительность »», - пробормотала Гермиона себе под нос, снова открывая книгу заклинаний и радостно напевая мелодию.

http://tl.rulate.ru/book/62719/1770961